

Мудрец / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 23 января, 2025

Мудрец / рассказ МУДРЕЦ

Барону де Во

Блеро был другом моего детства, самым любимым моим товарищем. Между нами не было никаких тайн. Нас связывала тесная дружба ума и сердца, братская привязанность, полное взаимное доверие. Он поверял мне самые свои сокровенные мысли, вплоть до мельчайших проступков и мучений совести, в которых с трудом признаешься даже самому себе. Я платил ему тем же.

Я был поверенным всех его любовных историй. Он – всех моих.

Когда он объявил мне, что собирается жениться, я был оскорблен, как изменой. Я почувствовал, что пришел конец той сердечной и безграничной привязанности, которая соединяла нас друг с другом. Между нами вставала теперь его жена. Интимность брачного ложа устанавливает между двумя существами, даже если они и перестали любить друг друга, нечто вроде соучастия, таинственного союза. Они, муж и жена, становятся как бы двумя сообщниками, не доверяющими, помимо друг друга, никому на свете. Но эта столь тесная связь, скрепленная супружеским поцелуем, сразу же прекращается, лишь только женщина берет себе любовника.

Как сейчас помню все подробности свадьбы Блеро. Я не любитель подобных церемоний и не захотел присутствовать при подписании брачного контракта; я пошел только в мэрию и в церковь.

Его жена, которую я совсем не знал, была высокая, девушка, блондинка, худенькая, хорошенькая, с бесцветными глазами, бесцветными волосами, с бледным лицом и бледными руками. Она ходила слегка раскачиваясь, точно плыла в лодке. Приближаясь к вам, она как будто делала целый ряд медленных грациозных реверансов.

Блеро был, по-видимому, сильно в нее влюблен. Он беспрестанно на нее смотрел, и я чувствовал, что он весь трепещет от

неудержимого желания обладать этой женщиной.

Несколько дней спустя я зашел к нему. Он мне сказал:

– Ты не можешь себе представить, как я счастлив. Я ее безумно люблю. И притом она... она...

Он не закончил фразы, но, приложив два пальца к губам, сделал жест, означающий: божественна, чудесна, совершенна и еще многое другое.

Я спросил, смеясь:

– Неужели так много?

Он ответил:

– Все, о чем только можно мечтать.

Он представил меня. Она была очаровательна, в меру проста и сказала мне, что я должен чувствовать себя у них, как дома. Но я ясно чувствовал, что Блеро-то уж больше не был моим. Нашей дружбы как не бывало. Мы с трудом находили, что сказать друг другу.

Я ушел. Затем я отправился путешествовать по Востоку и возвратился оттуда через Россию, Германию, Швецию и Голландию. В Париж я вернулся только спустя полтора года.

На другой день по возвращении, бродя по бульварам, чтобы снова подышать воздухом Парижа, я встретил страшно бледного человека, с изможденным лицом, столь же мало похожего на Блеро, как чахоточный может быть похож на здорового, краснощекого малого, начинающего слегка жиреть. Я смотрел на него в изумлении и беспокойстве, спрашивая себя: «Он ли это?» Он увидел меня, вскрикнул, протянул мне руки. Я раскрыл ему объятия, и мы расцеловались посреди бульвара.

Пройдясь с ним несколько раз взад и вперед от улицы Друо до Водевиля и собираясь проститься, потому что он казался уже измученным ходьбой, я сказал ему:

– Ты плохо выглядишь. Ты не болен?

Он ответил:

– Да, мне немного нездоровится.

У него был вид умирающего, и в сердце моем поднялась волна нежности к этому старому и такому дорогому другу, единственному в моей жизни. Я сжал ему руки.

– Что такое с тобой? Ты хвораешь?

– Нет, просто маленькое утомление, это пустяки.

– Что находит врач?

– Он говорит, что это малокровие, и прописывает мне железо и сырое мясо.

Подозрение мелькнуло у меня в уме. Я спросил:

– Ты счастлив?

– Да, очень счастлив.

– Вполне счастлив?

– Вполне.

– Как твоя жена?

– Очаровательна. Я люблю ее еще больше, чем прежде.

Но я заметил, что он покраснел. Он казался смущенным, словно опасался новых расспросов. Я схватил его за руку, втолкнул в какое-то кафе, пустое в этот час, насильно усадил и, глядя ему прямо в глаза, сказал:

– Послушай, Ренэ, старый друг, скажи мне всю правду.

Он пробормотал:

– Но мне нечего тебе сказать.

Я продолжал твердым голосом:

– Это не так. Ты болен, конечно, болен и никому не смеешь доверить свою тайну. Тебя гложет какая-то тоска. Но ты мне скажешь это. Ну, я жду.

Он еще больше покраснел, затем промолвил, запинаясь, отвернув лицо:

– Это глупо... но я... я изнемогаю.

Он замолчал, а я продолжал настаивать: «Ну, говори же». Тогда он быстро произнес, как бы выталкивая из себя мучительную, еще ни разу не высказанную мысль:

– Ну, моя жена меня губит... вот что.

Я не понимал:

– Ты несчастлив с нею? Она мучает тебя? Но как? Почему?

Он прошептал слабым голосом, словно признаваясь в преступлении:

– Нет... я ее чересчур люблю.

Я растерялся при этом грубом признании. Потом меня охватило желание расхохотаться, и, наконец, я смог ответить:

– Но мне кажется, что ты... что ты, мог бы... и поменьше любить

ее.

Он снова очень побледнел. Но решился наконец говорить со мной откровенно, как бывало в старину.

– Нет. Не могу. И я умираю. Мне это известно. Я умираю. Я убиваю себя. И мне страшно. В иные дни, как сегодня, например, мне хочется бросить ее, уйти совсем, уехать на край света, чтобы только жить, долго жить. Но когда наступает вечер, я против собственной воли возвращаюсь домой, замедляя шаг, терзаясь душой. Медленно поднимаюсь по лестнице. Звоню. Она дома и сидит в кресле. Она говорит мне: «Как ты поздно». Я целую ее. Потом мы садимся за стол. Пока мы едим, я все время думаю: «После обеда я уйду из дому, сяду в поезд и уеду куда глаза глядят». Но когда мы возвращаемся в гостиную, я чувствую себя таким утомленным, что у меня нет больше сил подняться. Я остаюсь. А потом... а потом... я никогда не могу устоять.

Я не удержался и опять улыбнулся. Увидев это, он продолжал:

– Ты смеешься, но поверь мне, это ужасно.

– Почему же, – спросил я, – тебе не объяснить все жене? Если она не чудовище, она должна понять тебя.

Он пожал плечами.

– Ах, тебе легко говорить! Я ничего не говорил ей, потому что знаю ее натуру. Слышал ли ты когда-нибудь, как про некоторых женщин говорят: «Она принялась уже за третьего мужа»? Да, не правда ли, и это вызывает у тебя улыбку, вот как сейчас? А вместе с тем это верно. Что поделаешь? Ни я, ни она в этом не виноваты. Она такова, потому что такую создала ее природа. У нее, мой дорогой, темперамент Мессалины. Она этого не знает, но я-то хорошо знаю; тем хуже для меня. Она очаровательна, кротка, нежна и считает естественными и умеренными наши безумные ласки, которые истощают, которые убивают меня. У нее вид невинной пансионерки. И она невинна, бедняжка.

О, я каждый день принимаю самые категорические решения. Пойми, ведь я умираю. Но мне достаточно одного взгляда ее глаз, одного этого взгляда, в котором я читаю жгучее желание ее губ, и я тотчас же поддаюсь, говоря себе: «Это последний раз. Я больше не хочу этих губительных поцелуев». А потом, когда уступаю опять, как сегодня, например, я ухожу из дому и иду

куда попало, думая о смерти, повторяя себе, что я погиб, что все кончено.

Я так угнетен, так болен душой, что вчера местом моей прогулки был Пер-Лашэз. Я смотрел на могилы, вытянувшиеся рядами, как домино, и думал: «Скоро и я буду здесь лежать». Я вернулся домой, твердо решив сказаться больным, избежать ее ласк. Но я не мог.

О, тебе этого не понять. Спроси курильщика, отравляющего себя никотином, может ли он отказаться от своей сладостной и смертоносной привычки. Он тебе скажет, что пробовал сто раз, но ничего не добился. И прибавит: «Ничего не поделаешь. Лучше уж умереть от этого». Так и я. Когда тебя захватывает такая страсть или такой порок, надо отдаться им целиком.

Он встал и протянул мне руку. Меня охватил бурный гнев, ненависть к этой женщине, к женщине вообще, к этому бессознательному, прелестному и в то же время ужасному существу. Он застегивал свое пальто, собираясь уходить. Я грубо бросил ему в лицо:

– Но, черт побери! Лучше предоставь ее любовникам, чем так себя губить!

Он пожал плечами, ничего не ответил и ушел.

Полгода я его не встречал. Каждое утро я был готов получить письмо с приглашением на его похороны. Но решил, что ноги моей у него не будет; меня останавливали сложные чувства: презрение к этой женщине, а также гнев, возмущение и множество самых разнообразных ощущений, которые вызывал он сам.

Как-то в прекрасный весенний день я гулял по Елисейским Полям. Было теплое послеполуденное время, которое пробуждает в нас скрытое чувство радости: от него загораются глаза, и нас охватывает бурное счастье жизни. Кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся. Это был он; это был он – великолепный, здоровый, румяный, располневший, с брюшком.

Он протянул мне обе руки, сияя от удовольствия и крича:

– Попался, изменник?

Я смотрел на него и от изумления не мог двинуться с места.

– Ах... Фу ты, поздравляю тебя. Ты изменился за эти полгода.

Он покраснел, как рак, и ответил, натянуто смеясь:

– Живу, как умею.

Я смотрел на него так пристально, что он был, видимо, смущен. Я произнес:

– Значит, ты... ты выздоровел?

Он произнес скороговоркой:

– Да, вполне, благодарю тебя.

И быстро переменял тон:

– Какая удача, что я тебя встретил, старина! Не правда ли, теперь мы будем видеться и часто?

Но настойчивая мысль меня не покидала. Я хотел знать. Я спросил:

– Послушай, ты ведь помнишь признание, которое ты мне сделал полгода тому назад... значит... значит... теперь ты сопротивляешься?

Он невнятно пробурчал:

– Считай, что я тебе ничего не говорил, и оставь меня в покое. Но, знаешь, раз я тебя нашел, то не отпущу. Идем ко мне обедать.

Внезапно мною овладело безумное желание посмотреть, как он живет, понять, в чем дело. Я согласился.

Два часа спустя он вводил меня к себе.

Его жена приняла меня самым приветливым образом. Она держала себя очень просто, с пленительной наивностью и очаровательным изяществом. Ее щеки, шея, длинные кисти рук отличались исключительной белизной и утонченностью; то была изнеженная, благородная, породистая кровь. И двигалась она все тем же плавным движением, раскачиваясь, как будто ноги ее на каждом шагу слегка подгибались.

Ренэ по-братски поцеловал ее в лоб и спросил:

– Люсьен еще не приходил?

Она ответила спокойно и громко:

– Нет еще, мой друг. Ты ведь знаешь, он всегда чуть-чуть запаздывает.

Раздался звонок. Вошел высокий молодой человек, очень смуглый, с густой растительностью на щеках, нечто вроде светского Геркулеса. Нас познакомили. Его звали Люсьен Делабар.

Ренэ и он крепко пожали друг другу руки. Затем все сели за стол.

Обед прошел восхитительно, очень весело. Ренэ, не переставая, говорил со мной запросто, сердечно, откровенно, как в былые дни. Он беспрестанно повторял: «Ты знаешь, старина, скажи-ка старина, послушай, старина». Потом вдруг воскликнул:

– Ты и не подозреваешь, как я рад, что снова нашел тебя! Мне кажется, что я вновь начинаю жить.

Я смотрел на его жену и на того. Они держали себя безупречно. Однако мне раза два показалось, что они украдкой быстро переглянулись.

Как только кончился обед, Ренэ, обращаясь к своей жене, объявил:

– Дорогая моя, я вновь обрел Пьера и похищаю его; мы пойдем, как бывало, поболтать и побродить по бульварам. Ты простишь нам эту холостяцкую причуду. Зато я оставляю с тобой господина Делабара.

Молодая женщина улыбнулась и сказала, протягивая мне руку:

– Не задерживайте его слишком долго.

И вот мы под руку гуляем по улицам. Желая во что бы то ни стало выведать все от него, я спросил:

– Послушай, что же произошло? Расскажи.

Но он резко перебил меня и ответил ворчливым тоном человека, которого попусту тревожат:

– Ну, старина, оставь меня в покое с твоими расспросами.

Потом он прибавил вполголоса, как бы отвечая самому себе, с убежденностью человека, принявшего мудрое решение:

– Было бы слишком глупо так издохнуть в конце концов.

Я больше не настаивал. Мы ускорили шаг. Началась болтовня о том, о сем. И вдруг он шепнул мне на ухо:

– А не зайти ли нам к девочкам? А?

Я от души рассмеялся.

– Как хочешь. Зайдем, старина.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 4 декабря 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП

«Аурика», 1994

Перевод Е.Соколовой. Некауалар